

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Санскритология

Начало изучения санскрита в России относится к первой половине XVIII в. После основания АН в числе первых ее академиков был Т.-З. Байер, который приехал в Россию в 1726 г. Занимаясь главным образом китайским, монгольским, калмыцким, маньчжурским и тангутским (тибетским) языками, он одним из первых в России начал изучение «браминского» языка, т. е. санскрита, под руководством приехавшего в Петербург индийца Сонхбары¹. Плодом этих занятий явились две его работы по литературе и грамматике названных языков². Во второй статье впервые в России приводятся образчики санскритской азбуки (деванагари), отпечатанные, вероятно, с деревянных клише, которые были изготовлены по рисункам самого Байера, а также даются краткие сведения о дравидийских (тамуль, телугу) и некоторых новоиндийских языках (маратхи, гуджарати и др.). В 30-х годах XVIII в. кроме Байера изучением алфавита деванагари, как и алфавитов дравидийских языков, занимался Д. Г. Мессершмидт, интересовавшийся пенджабским и тамильским языками³.

В известном труде «Сравнительные словари»⁴ приводится 285 слов из 51 европейского и 149 азиатских языков и наречий, в том числе и санскритские (самшкрутанские) слова, подобранные без всякой системы⁵.

Изучение санскрита в России в начальный период зависело от научных интересов отдельных ученых, которые зани-

¹ МИФВЯ, т. IV, стр. 11.

² Th.-S. Bayer, *Elementa litteraturae Brachmanicae, Tangutanae, Mungalicae*,—*Comment. Acad.*, t. III, 1728 (1732), стр. 389—422; там же, t. IV, 1729 (1735), стр. 289—301. См. также: Булич, *Очерк истории языкознания*, т. I, СПб., 1904, стр. 219; Ливотова и Португаль, *Востокведение*, № 8 и 11.

³ В. М. Бескровный, *Из истории изучения живых индийских языков в России в XIX веке*,—ВЛУ, 1957, № 8, СИЯЛ, вып. 2, стр. 37.

⁴ «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки», ч. 1—2, СПб., 1787—1789.

⁵ Булич, *Очерк*, стр. 500.

мались им лишь попутно со своими основными востоковедными штудиями. Аналогичная картина наблюдалась и в первые десятилетия существования АМ. Здесь прежде всего следует отметить Ф. Аделунга (1768—1843), почетного академика, который пытался дать обзор литературы на санскрите⁶.

Заметный след в изучении санскрита оставил рано умерший Р. Х. Ленц (1808—1836), воспитанник Дерптского университета. Научная деятельность Ленца проходила в АМ, где он занимался описанием хранившихся там восточных рукописей, в результате чего появились работы, среди которых прежде всего следует назвать его докторскую диссертацию, посвященную описанию собрания санскритских рукописей⁷. В сентябре 1835 г. Ленц был избран адъюнктом АН и приступил к обработке привезенных им рукописей. Плодом этой работы был труд, посвященный разбору «Лалита-Вистара-Пураны» — санскритского сочинения о жизнеописании Будды⁸. Ленц был первым, кто предложил свои услуги университету и стал безвозмездно читать там лекции по санскритской литературе и сравнительному языкознанию.

Прямым преемником Ленца в изучении санскрита был П. Я. Петров (1814—1875), который с юных лет обнаружил необыкновенные способности к восточным языкам. После окончания в 1832 г. Московского университета Петров благодаря содействию акад. Х. Д. Френа в 1834 г. был зачислен в «профессорский институт» АН с прикомандированием к Петербургскому университету. Занимаясь в продолжение четырех лет языками арабскими, персидским и турецким под непосредственным наблюдением Френа⁹, Петров проявил особый интерес к санскриту, изучая его под руководством Р. Х. Ленца. Результатом этих занятий была работа Петрова «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музее С.-Петербургской академии наук»¹⁰.

⁶ F. Adeling, Versuch einer Literatur der Sanskrit-Sprache, St.-Pbg., 1830; в 1837 г. появилось 2-е изд. этого сочинения: F. Adeling, Literatur der Sanskrit-Sprache, St.-Pbg., 1837.

⁷ «Bericht über eine im Asiatischen Museum deponierte Sammlung Sanskrit-Manuskripte», печаталась в 1833 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1833, № 219—223), а затем вышла отдельным изданием в Лейпциге и Петербурге. См. также: РБС, т. Лабзина-Ляшенко, СПб., 1914, стр. 191.

⁸ «Analyse du Lalita-Vistara-Pourana, l'un des principaux ouvrages sacrés des bouddhistes de l'Asie Centrale, contenant la vie de leur prophète, et écrit en sanscrit», — Bull. sc., 1836, t. I, № 7—13.

⁹ Крачковский, Очерки, стр. 110—111.

¹⁰ ЖМНП, 1836, т. II, ч. 12, стр. 184—198. О деятельности Петрова см.: Веселовский, Сведения, стр. 140; Л. З. Мсерианц, К истории санскритологии в России, — НВ, 1922, №1, стр. 311. Более полные сведения о Петрове см. в ст.: А. С. Шофман, Русский санскритолог П. Я. Петров, — ОИРВ, III, стр. 126—146; В. И. Кальянов, Изучение санскрита в России, — УЗЛГУ, № 304, СВН, вып. 14, 1962, стр. 146—152.

Важное значение в истории востоковедения имела научно-педагогическая деятельность проф. К. А. Коссовича (1815—1883). Заслуживает особого внимания его лексикографический труд — составлявшийся им в АН санскритско-русский словарь. Словарь этот остался незаконченным. В свет вышли только три тетради («Санскритско-русский словарь», СПб., 1854—1856). Главным недостатком словаря являлось построение его по принципам русского алфавита, что, естественно, вносило досадную путаницу и сильно затрудняло пользование им. Однако, несмотря на этот существенный недостаток, это была первая попытка издания в АН санскритско-русского словаря.

С первой половины XIX в. главным центром в области исследования санскрита становится АН. Этот период связан с именем акад. О. Н. Бётлингга (1815—1904). Вся его исключительно плодотворная научная деятельность на протяжении 65 лет отличалась целеустремленностью и была подчинена изучению одной стороны индологической дисциплины: «изучение языка, самое полное и основательное, как единственно надежное средство изучить впоследствии тот сложный и своеобразный мир, ключ к пониманию которого был санскрит»¹¹. В 1887 г. им была издана знаменитая грамматика Панини¹² — «одно из величайших творений человеческого разума»¹³. Перу Бётлингга принадлежат, кроме того, вышедшие в издании АН лингвистические работы и различные памятники санскритской письменности: грамматика Вопадаевы, синонимический словарь Хемачандры с немецким переводом, уранишады — памятники древней философской мысли, древняя драма «Мриччхакатика» («Глиняная повозка») в немецком переводе, а также санскритская хрестоматия¹⁴.

Венцом многолетней деятельности Бётлингга является создание двух санскритских словарей, изданных АН: полного (1852—1875) и краткого (1879—1889)¹⁵. Эти словари ознаменовали собою эпоху в изучении санскрита и получили ши-

¹¹ С. Ф. Ольденбург, Памяти Оттона Николаевича Бётлингга (Некролог) 30 мая 1815—19 марта 1904 г., — ЖМНП, 1904, ч. 353, № 5, отд. 4, стр. 42. О Бётлингге см. также: Ливотова, Основная литература, стр. 494—495.

¹² «Pāṇini's Grammatik. Hrsg., übers., erläutert und mit verschiedenen Indices versehen von Otto Böhtlingk», Leipzig, 1887. Первое издание этой грамматики без перевода вышло в Бонне в 1839—1840 гг.

¹³ Th. Stcherbatsky, The Conception of Buddhist Nirvāṇa, Ленинград, 1927, стр. 23.

¹⁴ В. И. Кальянов, Изучение санскрита в России, стр. 153; Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 359—367, 369—371, 374, 378—381, 387—389, 393, 394 и 397.

¹⁵ Sanskrit-Wörterbuch. Hrsg. von der Academie der Wissenschaften. bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth, Th. 1—7, St.-Pbg., 1855—1875; Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bearbeitet von O. Böhtlingk. Th. 1—7, St.-Pbg., 1879—1889.

рокую известность во всем мире под названием «Петербургских словарей». Они служили основой всей европейской индологической науки в течение целого столетия и способствовали развитию сравнительно-исторического языкознания¹⁶. Академик Бётлингк был главным составителем и редактором этих словарей. Полный словарь составлялся в сотрудничестве с Рудольфом Ротом.

АН стремилась создать наилучшие условия для развития индологии. Начиная с петровских времен ею были собраны огромные рукописные богатства различных стран Востока, в том числе и индийские рукописи, которые хранились и изучались в АН.

АН создала первоклассную типографию. Ее восточный цех, где набирались и печатались «Петербургские словари», а также различные памятники санскритской письменности и позже издания «Библиотека буддика», занимал по богатству и разнообразию восточных шрифтов одно из первых мест в мире.

Индологические исследования в АН дореволюционного периода велись по двум направлениям. Первое (более раннее) было лингвистическое, которое нашло свое выражение в издании упомянутых выше санскритских словарей, памятников индийской грамматической литературы и различных санскритских текстов.

Второе направление в индологии было буддологическое. Основоположниками научного изучения буддизма являются китаист акад. В. П. Васильев (1818—1900) и индолог проф. И. П. Минаев (1840—1890)¹⁷.

Хотя научно-педагогическая деятельность И. П. Минаева официально проходила в С.-Петербургском университете, он был тесно связан с АН, где издавались его важнейшие труды¹⁸. Минаев воспитал замечательную школу русских индологов, которые стали виднейшими учеными своего времени и продолжали его дело, работая в АН и вне ее. Двое из них стали академиками — С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской.

Важный период в истории отечественного востоковедения

¹⁶ «Академия наук СССР за двести лет. Речь неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга, читанная на торжественном заседании Конференции Академии 6 сентября 1925 г.», Л., 1925, стр. 15; А. П. Баранников, О культурных отношениях между Россией и Индией, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1946, № 6, стр. 463.

¹⁷ О деятельности И. П. Минаева см.: А. П. Баранников, Биография И. П. Минаева (1840—1890), — И. П. Минаев, Дневники путешествий в Индию и Бирму. 1880 и 1885—1886, М., 1956, стр. 17—32. См. также: В. И. Кальянов, Изучение санскрита в России, стр. 155—157; «Иван Павлович Минаев». Сборник статей, М., 1967.

¹⁸ См.: Ливотова и Португаль, Востоковедение, № 1243—1246.

связан с неутомимой деятельностью акад. С. Ф. Ольденбурга (1863—1934). Его научная деятельность отличалась исключительной разносторонностью. Помимо северного буддизма, которым он занимался всю свою жизнь, он изучал индийский фольклор, сказки и джатаки, работал над изданием санскритских текстов, проявлял интерес к древнеиндийской и средневековой санскритской литературе, к истории, археологии и искусству Индии. Особое внимание Ольденбург уделил Махабхарате, целиком проработав весь этот колоссальный эпос¹⁹ под руководством индийца в Лондоне. Он был инициатором и бессменным руководителем издания всемирно известной серии «Собрание оригинальных и передовых буддийских текстов» под общим названием «Библиотека буддизма», основанной им в 1897 г. В этом большом международном предприятии принимали участие виднейшие ученые различных стран Востока и Запада. Творческая деятельность Ольденбурга стала особенно плодотворной в советское время. Ольденбург оставил после себя 520 научных работ и статей²⁰.

На рубеже прошлого и нынешнего столетий началось интенсивное и всестороннее обследование центральноазиатских культур, в котором и наша страна принимала деятельное участие²¹. Для изучения прошлых культур этих стран были созданы международные научные организации, снаряжались археологические экспедиции. АН также приняла в этом участие. Дважды отправляла она экспедиции в Центральную Азию под руководством акад. Ольденбурга: в 1909—1910 гг. в Турфан и в 1914—1915 гг. в Дуньхуан²². Были открыты очаги буддийской культуры, выявлены новые документы на санскритском и тибетском языках, началось интенсивное изучение северного буддизма.

По этому пути пошел и другой ученик Минаева — акад. Ф. И. Щербатской (1866—1942). Окончив в 1889 г. Санкт-Петербургский университет по Историко-филологическому фа-

¹⁹ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как индианист. Речь, читанная на заседании Академии наук 1 февраля 1933 г., посвященном чествованию акад. С. Ф. Ольденбурга, — сб. «С. Ф. Ольденбургу», стр. 18.

²⁰ Подробно о многосторонней научной деятельности акад. С. Ф. Ольденбурга см.: сб. «С. Ф. Ольденбургу» (к сборнику приложена библиография опубликованных трудов С. Ф. Ольденбурга, составленная П. Е. Скачковым, ныне значительно дополненная К. Л. Чижиковой, — в рукописи). См. также: ЗИВАН, 1935, т. IV. Этот номер посвящен памяти С. Ф. Ольденбурга и содержит статьи академиков А. Н. Самойловича, Ф. И. Щербатского, И. Ю. Крачковского, В. М. Алексеева и др.

²¹ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как индианист, стр. 18.

²² Результатом второй экспедиции явился большой неопубликованный труд Ольденбурга «Описание пещер тысячи Будд Дуньхуана» («Цянь Фодун»), до сих пор сохранивший свою исключительную ценность (ЛО ААН, ф. 208, оп. 1, № 175). Вместе с материалами экспедиции Ольденбург привез коллекцию дуньхуаньских китайских рукописей, описание которых производится в ЛО ИВ.

культету, где главным его учителем был проф. И. П. Минаев, руководивший его занятиями по санскриту, Щербатской прошел затем узкую специализацию по индийским шастрам, т. е. определенным научным дисциплинам по индийской грамматике, теории поэзии²³ и философии²⁴, у крупнейших в то время санскритологов Европы Г. Бюлера в Вене и Г. Якоби в Бонне.

В 1905 г. Щербатской был в Монголии, где под руководством лам совершенствовал свои знания в тибетском языке и широко использовал монастырские буддийские библиотеки для своих исследований по философии буддизма.

В 1910—1911 гг. он совершил путешествие в Индию, где углубил свои познания в области санскрита. Хотя Щербатской приехал в Индию уже зрелым ученым, хорошо известным в Европе, он с исключительной требовательностью подошел к себе и своим знаниям индийских философских систем, занимаясь у индийских пандитов по 16 часов в сутки. Вот что писал он из Бомбея акад. Ольденбургу: «Дело в том, что действительно время моей командировки было очень коротко. В Европе я считал себя недурным знатоком ньяя, но, приехав сюда, увидел, что нужно переучиваться с начала и что без знания миманса невозможно хорошо знать и ньяя. Я сразу напал на двух пандитов из Митхила, настоящих шастри, один из них санньяси. С их помощью прохожу полный курс ньяя, как он проходится самими шастринами. Это настоящие учителя — индусы совершенно старинного покроя, не знающие, разумеется, ни слова по-английски. Жизнь с ними устроить было довольно мудрено, так как нужно считаться с кастовыми порядками, пришлось нанять помещицкий дом и отдельный для них штат прислуги, также и для себя. Но я считал, что моя главная цель изучение шастр, а объезд и знакомство с Индией второстепенная, и поэтому решил сделать все, чтобы использовать этих шастринов. Скоро уже 4 месяца, как я ежедневно по 16 часов сижу за ньяя, и все еще не могу сказать, чтобы чувствовал себя свободно. Другой раз, разжевав какое-либо рассуждение, ощущаю нечто вроде того, что чувствуется в теле после первого урока езды на велосипеде. Одновременно у меня завязались

²³ Ф. И. Щербатской, Теория поэзии в Индии,— ЖМНП, 1902, ч. 341, отд. 2, стр. 299—329.

²⁴ Ф. И. Щербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Часть I. Учебник логики. Дармакирти с толкованием на него Дармоттары, СПб., 1903. Часть II. Учение о восприятии и умозаключения, СПб., 1909 (нем. перев.: Th. Stcherbatsky, Erkenntnistheorie und Logic nach den späteren Buddhisten. Aus dem Russischen übersetzt von Otto Strauss, München—Neubiberg, 1924; франц. перев.: Stcherbatsky, La théorie de la connaissance et la logique chez les Bouddhistes tardifs. Traduit par madame I. de Manziarly et Paul Masson-Oursel, Paris, 1926).

сношения со здешними Джайнами, Арьясамадж, Брахмасамадж и махараджей Бародским, все необыкновенно предупредительны и внимательны, книг и рукописей по ньяя у меня уже образовалась порядочная библиотека...»²⁵.

Таким образом, помимо глубоких знаний индийских философских шастр Щербатской приобрел в Индии обширную практику в санскрите и свободно говорил на нем, вступая в общение с индийскими пандитами и принимая участие в философских диспутах. Среди европейцев Щербатской был одним из немногих, кто столь глубоко проник в смысл и дух этого древнего языка. Он блестяще сочетал в себе две системы изучения санскрита: европейскую — университетскую и традиционную — индийскую. По признанию самих индийцев²⁶, он владел санскритским как ортодоксальный индуист и в совершенстве знал специальную терминологию индийских философских систем. А это в свою очередь давало ему преимущество: превосходно используя критический метод западно-европейских мыслителей, подходить в то же время к проблемам индийской философии с глубокими знаниями ортодоксального индийского ученого-пандита.

Щербатской возвратился из Индии во всеоружии санскритологической науки, искушенный в вопросах традиционной индийской образованности²⁷. И не удивительно поэтому, что к нему приезжали по вопросам индийской философии и толкования санскритских философских шастр индийские ученые-пандиты. Имя Щербатского, как и его замечательные труды, пользуется заслуженной любовью в Индии и по сей день.

Научные интересы Щербатского были неуклонно направлены на изучение индийской философии, точнее, буддийской логики, а также самого буддизма по санскритским и тибетским источникам. Наше близкое соседство со странами буддийского мира и огромные богатства АМ в области тибетской буддийской литературы также оказали свое влияние на его выбор.

Таким образом, с конца XIX и начала XX в. изучение санскрита в АН и частично в Петербургском (позже Петроградском) университете было подчинено изучению буддийской философии и культуры. Однако наряду с этим продолжало существовать и лингвистическое или, вернее, филологическое

²⁵ ЛО ААН, ф. 208, оп. 3, № 685, л. 33.

²⁶ Дхармендра Натх Шасти, Вклад Ф. И. Щербатского в развитие индийской философии, — КСИВ, вып. XXVIII, 1958, стр. 77, 80.

²⁷ Более подробные сведения о пребывании Щербатского в Индии и вообще о его деятельности см.: Ф. И. Щербатской, Краткий отчет о командировке в Индию, — ИРКСА, 1912, сер. II, № 1, стр. 70—73; а также: В. И. Кальянов, Академик Федор Ипполитович Щербатской, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1946, № 3, стр. 245—252; его же, Изучение санскрита в России, — УЗЛГУ, № 304, СВН, вып. 14, 1962, стр. 158—163; его же, Об изучении санскрита в Советском Союзе, — ВЛУ, 1957, № 8, стр. 23—30.

направление. В этом отношении заслуживает внимания деятельность третьего ученика И. П. Минаева — проф. Н. Д. Миронова. Миронов много лет занимался вопросами древнеиндийской (ведической) литературы (преимущественно Ригведой) и работал над описанием санскритских рукописей, часть которых была собрана и привезена Минаевым. В результате этой работы Миронов подготовил и опубликовал два каталога этих рукописей, имевшихся как в АМ, так и в ГПБ²⁸. Кроме того, им были опубликованы отдельные работы в области древнеиндийской филологии²⁹, а также ряд статей по истории и культуре Индии для «Большой энциклопедии» под ред. С. Н. Южакова.

После Октябрьской революции продолжалось дальнейшее развитие традиционных разделов русской индологии. Старшее поколение русских индологов Ольденбург и Щербатской продолжали свои исследования в области буддизма, получившие всемирную известность. Еще на рубеже двух эпох благодаря поддержке АН эти выдающиеся русские ученые организовали изучение северного буддизма в широких международных масштабах. «Библиотека буддиста» получила еще больший размах. Вокруг нее объединились виднейшие ученые различных стран Запада и Востока: проф. Сильвен Леви (Франция), д-р Э. Д. Росс (Англия), проф. де Ла-Валлэ Пуссен (Бельгия), Вохихара (Япония), М. Валлезер (Германия), Ф. И. Щербатской и О. О. Розенберг (Россия). В противоположность другому направлению (Т. Рис Дэвидс, Г. Ольденбург, Р. Чильдерс), которые изучали южный буддизм, т. е. так называемый палийский канон, эта группа ученых подошла к вопросу изучения буддизма наиболее глубоко и исторично, так как учитывала все достижения индийской культуры за 10 столетий, которые нес с собой северный буддизм из Индии в страны Дальнего Востока³⁰. В основу изучения буддизма этой группой ученых были положены глубокие знания буддийской и индийской философии вообще.

По инициативе Ольденбурга и Щербатского 24 августа 1919 г. была открыта первая буддийская выставка в Петрограде, на которой прочитали лекции Ольденбург, Щербатской, Розенберг, Владимирцов³¹.

²⁸ «Каталог индийских рукописей». Составил Н. Д. Миронов, вып. 1, 1914; «Каталог индийских рукописей Российской Публичной библиотеки. Собрание И. П. Минаева и некоторых других», т. II, вып. 1, 1918.

²⁹ N. Mironov, *Die Dharmaparikṣā des Amitagati. Ein Beitrag zur Literatur und Religionsgeschichte des indischen Mittelalters*. Inaugural-Dissertation, Leipzig, 1903; его же, *Dignāga's Nyāyapravēsa and Haribhadra's Commentary to it*, — «Jainshasana», Benares, 1911, стр. 133—138.

³⁰ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как инданист, стр. 19; его же, Академик С. Ф. Ольденбург как инданист, — ЗИВАН, т. IV, 1935, стр. 28.

³¹ Каждая лекция была издана в Петрограде в 1919 г. отдельной брошюрой: С. Ф. Ольденбург, Жизнь Будды, индийского учителя жизни,

По инициативе Ольденбурга и Щербатского было возобновлено издание серии «Памятники индийской философии», задуманной ими еще в 1914 г. и утвержденной постановлением АН. Такая серия (в переводах с санскрита и других восточных языков на русский или западноевропейские языки) должна была удовлетворить потребность в подобного рода литературе русской и европейской науки, с одной стороны, и русской читающей публики — с другой. Для этого в первую очередь были избраны сочинения Вачаспатишистры по всем индийским философским системам, основные трактаты системы ньяя, семь трактатов Дхармакирти, сочинение по логике Дигнаги и Абхидхарма Васубандху, содержащее систему первоначального буддизма. Из намеченных работ Щербатским в 1922 г. был опубликован перевод с тибетского трактата Дхармакирти по буддийской логике³². В связи с этим изданием Щербатской в своем предисловии писал: «Если теперь, по истечении почти шести лет, когда было так трудно печатать, и намечается возможность осуществления хотя небольшой части прежних предположений, то эта заслуга прежде всего тех деятелей на научной почве, которые, несмотря ни на какие трудности и жертвы, не подумали о бегстве из родной страны, верили все время в ее неминуемое и быстрое возрождение и не жалели сил своих в борьбе с разрухой»³³.

Уже в первые годы Советской власти ощущалась настоятельная необходимость в учебных пособиях для изучения санскрита. В 1923 г. по инициативе Щербатского и под его редакцией был издан русский перевод учебника Г. Бюлера³⁴. Перевод сделал его ученик П. В. Ернштедт совместно с А. А. Сталь-Гольстейном. Учебник этот, изложенный с точки зрения индийской грамматической традиции, до сих пор используется при изучении санскрита в ЛГУ и других университетах страны.

Одновременно восстанавливались и получали дальнейшее развитие прерванные войной научные международные связи. Большую научную помощь оказывал Щербатской зарубежным ученым в их исследованиях по индийской и буддийской философии. Известный индийский ученый Дасгупта в первом томе своего капитального труда по истории индийской философии выразил в 1922 г. благодарность Щербатскому за предоставленную ему возможность пользоваться его английскими переводами тибетского трактата Абхидхармакошака-

Пг., 1919; Ф. И. Щербатской, Философское учение буддизма; О. О. Розенберг, О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке; Б. Я. Владимирцов, Буддизм в Тибете и Монголии.

³² Дхармакирти, Обоснование чужой одушевленности. С толкованием Ванитадева (см. предисловие акад. Ф. И. Щербатского, стр. III).

³³ Там же, стр. V.

³⁴ Г. Бюлер, Руководство к элементарному курсу санскритского языка. Перевод под редакцией проф. Ф. И. Щербатского, Стокгольм, 1923.

риках. На основании перевода Дасгупта мог написать свой раздел об Абхидхармакоше³⁵.

Полный расцвет талант и творческая деятельность Щербатского получают уже в советский период. Вокруг него и его школы в АМ все более концентрируется исследовательская работа в области индийской философии и буддийской логики. В начале 20-х годов Щербатской был командирован АМ в Лондон для приобретения литературы, что не помешало ему написать и издать в Лондоне в 1923 г. широко известную книгу о центральной концепции буддизма и значении слова «дхарма»³⁶. В 1927 г. после возвращения в Ленинград Щербатской издал книгу о концепции буддийской Нирваны³⁷. Эта книга вызвала высокую оценку Джавахарлала Неру, который с сердечной теплотой писал о «советском ленинградском профессоре Ф. Щербатском»³⁸.

В целях более планомерного изучения буддизма, его философии и культуры в 1928 г. в АН был создан Институт буддийской культуры (ИНБУК) во главе с акад. Ф. И. Щербатским. «Через буддизм,— писал он,— Индия становится нашим соседом на всем протяжении нашей азиатской границы от Байкала до Нижней Волги»³⁹.

Еще задолго до открытия ИНБУКа Щербатской понимал важность создания такого учреждения. В 1907 г. в письме Ольденбургу из Агинского дацана он писал: «Проанализировав всю буддийскую литературу, мы создадим такую филологию, которая превзойдет, как более молодая, классическую, и вознесем Индию выше Греции и Рима, на что она имеет полное право!»⁴⁰. Эти мысли Щербатского нашли потом отражение в объяснительной записке к проекту учреждения ИНБУКа, где, между прочим, подчеркивалась и необходимость «обращения к устной традиции буддийской учености». В заключительной части записки говорилось: «Для сохранения, укрепления и расширения достигнутых позиций, для сохранения буддологией руководящей роли необходимо объединение ее сил и ресурсов в виде научного учреждения, имеющего целью более строгую, систематическую организацию ее работы и установление и развитие связей с современной буддологической работой на Востоке»⁴¹.

³⁵ S. Dasgupta, *History of Indian Philosophy*, vol. I, Cambridge, 1922, стр. 119; Reprint., 1963.

³⁶ Th. Stcherbatsky, *The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the Word «dharma»*, London, 1923.

³⁷ Th. Stcherbatsky, *The Conception of Buddhist Nirvāna*.

³⁸ Джавахарлал Неру, *Открытие Индии*, М., 1955, стр. 118.

³⁹ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как индианист, стр. 18.

⁴⁰ ЛО ААН, ф. 208, оп. 3, № 685, лл. 27—28.

⁴¹ Ф. Щербатской, С. Ольденбург, М. Тубьянский, *Институт изучения буддийской культуры*,— ИАН СССР, 1927, сер. IV, № 18, стр. 1703—1704; см. также: ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1928), № 78.

В задачи ИНБУКа входило: 1) собрание материалов для составления многоязычного словаря буддийской терминологии, истории буддийской литературы, истории буддизма и библиографии, как восточных сочинений, так и европейских, по вопросам буддийской культуры; 2) изучение отдельных отраслей знаний, входящих в состав буддийской культуры или развивающихся под ее влиянием; 3) изучение обширной многоязычной литературы, созданной буддийской культурой, и издание текстов, переводов и исследований; 4) установление теснейшей научной связи с научными организациями и лицами, занимающимися изучением буддийской культуры, как в пределах СССР, так и за границей. Особое внимание институт уделяет установлению научной связи с соответствующими организациями и лицами стран Востока ⁴².

К работе в ИНБУКе были привлечены ученики Щербатского: Е. Е. Обермиллер, А. И. Востриков и М. И. Тубянский, а также Б. В. Семичов — ученик Е. Е. Обермиллера ⁴³.

Значительно расширился объем изданий серии «Библиотека буддиста». «Весь этот громадный труд...— отмечал Щербатской,— доставил нашей академии заслуженную славу в странах азиатских не менее, чем в Европе» ⁴⁴. Продолжение издания «Библиотека буддиста» в советский период явилось ярким выражением преемственной связи советской индологии с лучшими традициями русского дореволюционного востоковедения.

Кроме чисто буддологических интересов, которые стояли в центре внимания Щербатского и его школы, в АМ—ИВ освещались и другие вопросы в области индийской философии и культуры. Здесь прежде всего следует назвать работы самого Щербатского о категорическом императиве у брахманов, об индийском материализме и о научных достижениях в древней Индии ⁴⁵.

Еще в конце 20-х годов в соответствии со все возрастающими требованиями, диктовавшимися быстрым ростом социалистического строительства в нашей стране, перед АН встали большие новые задачи. В связи с этим, естественно, возникла необходимость и в коренной перестройке всей восточноведной работы с целью приближения ее к задачам хозяйственного и культурного строительства на советском Востоке

⁴² Устав ИНБУК,— ЛО ААН, ф. 152, оп. 7, № 2, лл. 7—8.

⁴³ В работе ИНБУК с 1929 г. принимал участие индийский проф. Д. Косамби (ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1929), № 69, лл. 23, 30—33).

⁴⁴ Ф. И. Щербатской, С. Ф. Ольденбург как инданист, стр. 28.

⁴⁵ Ф. И. Щербатской, Учение о категорическом императиве у брахманов,— сб. МАЭ, т. V, Пр., 1918, стр. 359—370; его же, К истории материализма в Индии,— «Восточные записки», I, 1927, стр. 1—10; его же, Научные достижения древней Индии. Речь академика Ф. И. Щербатского. Прочитана на торжественном годовом собрании РАН 2 февраля 1924 г., — Отчет РАН за 1923 г., Л., 1924, стр. 1—25.

и проведения советской мирной политики на зарубежном Востоке. В 1930 г. был создан ИВ, во главе которого стал акад. С. Ф. Ольденбург.

В планах ИВ был сделан упор на новую тематику, где «стоят на первом месте вопросы экономики всех стран Востока, без знания которой немисливо настоящее знание этих стран»⁴⁶. В числе вопросов, требовавших разработки на основе санскритских источников, помимо традиционных тем были издания важнейших индийских памятников по истории, экономике и государственному устройству древней Индии.

В пятилетнем плане (1929/30—1933/34) работ Индо-тибетского кабинета ИВ, который во главе с акад. Ф. И. Щербатским явился как бы преемником ИНБУКа в новом объединенном востоковедном учреждении, были запроекированы специальные работы Индийского подотдела: 1) издание и перевод тех памятников индийской литературы, которые могли бы привести к восстановлению изучения истории Индии до нашей эры, а в первую очередь Архашастры и джатак, 2) издание памятников литературы, трактующей об искусстве, 3) изучение, издание и перевод произведений изящной литературы для ознакомления с нею широких кругов читателей и, наконец, 4) изучение трактатов о медицине для установления связи индийской медицины с тибетской. Согласно этому плану в первый же год существования ИВ по инициативе Ольденбурга были предприняты две большие коллективные работы: перевод с санскрита и комментирование знаменитого политико-экономического трактата древней Индии Архашастры и перевод палийского сборника джатак как источника по социальной истории Индии. Обе темы шли по историческому сектору⁴⁷.

Для работы над первой темой был организован высококвалифицированный коллектив (бригада) под руководством заведующего кабинетом: С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, Абони Мухарджи, А. И. Востриков, Е. Е. Обермиллер и Б. В. Семичов. Вторая тема разрабатывалась Ольденбургом, Щербатским, Семичовым и Обермиллером. Однако работа над этим памятником, фактическим исполнителем которой стал один Семичов, с мая 1931 г. прекратилась. В своем отчете за апрель 1931 г. Ольденбург сообщал по этому поводу: «Перевод джатак прекращен согласно решению сектора и группы, но я веду отборку джатак, подлежащих переводу для однотомного издания джатак „Academia“. Просмотрел первый том текста»⁴⁸.

Работа над коллективным переводом Архашастры под

⁴⁶ С. Ф. Ольденбург, Востоковедение в Академии наук на новых путях, — ВАН, 1931, № 2, стр. 14.

⁴⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 24.

⁴⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 27.

непосредственным руководством Щербатского в основном была уже выполнена к концу 1932 г. Перевод первой книги (отдела) этого памятника был сделан Ольденбургом, а основная, наиболее обширная часть трактата — Обермиллером. Переводы отдельных разделов и глав были сделаны Востриковым и Семичовым, дальнейшая работа которого над памятником прекратилась ввиду ухода его в феврале 1932 г. из ИВ⁴⁹. Артхашастра была последней работой Ольденбурга, в которую он вложил свой многолетний опыт и широкую эрудицию. В связи со своей работой над Артхашастрой он опубликовал ряд статей⁵⁰. Однако в целом эта работа не была закончена в связи со смертью Ольденбурга (1934) и годом позже Обермиллера.

В ИВ Щербатской продолжал свои исследования в области буддийской философии. Им был завершен и опубликован двухтомный фундаментальный труд по буддийской логике⁵¹, последний в его монументальной трилогии, посвященной изучению буддийской философии и культуры в целом. Этот труд Щербатского, где исследуются в историческом развитии теория познания и логика позднейших буддистов, получил, как и другие части его трилогии, всеобщее признание. Известный индийский ученый Дхармендранатх Шастри назвал его «шедевром Щербатского». «Мы не ошибемся,— говорил он,— если скажем, что «Буддийская логика» является величайшим произведением индийской философии за последние 250 лет»⁵².

Одновременно с большой научно-организационной работой в кабинете Щербатской постоянно поддерживал обширные международные связи, публикуя за рубежом свои статьи в различных периодических изданиях⁵³. На заседаниях кабинета он выступал с докладами и лекциями о буддийской логи-

⁴⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 33.

⁵⁰ С. Ф. Ольденбург, Современная постановка изобразительных искусств и их техника в Индии, — ИГАИМК, вып. I, 1931, т. VIII, стр. 1—19; его же, О документе в феодальной Индии, — СГАИМК, 1932, № 9—10, стр. 42—45; его же, О некоторых новых индийских работах по истории и экономике Индии, — БВ, вып. 2—4 (1933), 1934, стр. 1—8; см. также: ВАН, № 7, 1933, стр. 3.

⁵¹ Th. Stcherbatsky, Ph. D. Buddhist Logic, vol. 1—2, Л., 1930—1932 (BB, XXVI).

⁵² Dharmendra Nath Shastri, Contribution of Th. Stcherbatsky to Indian Philosophy, — «The Modern Review», Calcutta, 1953, № 2, стр. 117—118. Русский перев.: Д. Н. Шастри, Вклад Ф. И. Щербатского в развитие индийской философии, — КСИБ, вып. XXVIII, 1958, стр. 76.

⁵³ Th. Stcherbatsky, Dignāga's Theory of Perception, — «The Journal of the Taisho University», vol. VI—VII, 1930, стр. 1—42; его же, The Doctrine of the Buddha, — BSOS, 1932, vol. 6, pt 4, стр. 867—896; его же, The Dharmas of the Buddhists and the «Gūṇas» of the Saṃkhyas, — IHQ, 1934, vol. X, № 4, стр. 1—24; его же, Die drei Richtungen in der Philosophie des Buddhismus, — RO, 1934, t. X, стр. 1—37.

ке и индийских логических учениях. Щербатской также проводил в кабинете занятия по истории индийской логики⁵⁴.

Последняя работа Щербатского посвящена исследованию философского памятника «Мадхьянта-вибханга» и представляет собою перевод с санскрита первой части приписываемого Бодхисатве Майтрейе основного сочинения школы йогачаров северного буддизма по вопросу о том, как избегать крайностей и придерживаться середины во всех своих суждениях⁵⁵. Эта работа завершила издание «Библиотеки буддика»⁵⁶. Щербатской продолжал работать и над другими частями этого сочинения, а также начал комментированный перевод части (пурваканика) трактата по индийской логике «Ньяяканика»⁵⁷. В своих трудах Щербатской на основе изучения оригинальных санскритских и тибетских текстов объяснил ряд важнейших проблем буддийской логики и индийской философии вообще. «Мы научились также, — говорил он, — различать две основные фазы буддизма — начальную, когда он был не религией, а скорее философской системой реалистического плюрализма, и позднейшую, когда на фоне философского монизма он превратился в пышную католическую религию. Мы научились отличать буддизм собственный от разных чуждых ему по духу теорий, мистических и даже изверженных, которые с течением времени к нему присосеживались и его обрастали. Оглядываясь на все эти достижения, можно действительно сказать, что, конечно, сделано немало. Тем не менее «Библиотека буддика» только приподняла завесу над массой еще неизвестной литературы»⁵⁸.

Для дальнейшей разработки проблем индийской философии в кабинете были запроектированы такие крайне важные и интересные темы, как работы об индийской атомистике, о диалектике школы йогачаров и о первоисточниках индийской диалектики. В области же истории и государственного устройства Индии помимо издания знаменитого политико-экономического трактата Артхашастра были запланированы работы о кастовом строе Индии, по индийской юридической литературе, а также о трактате Таркаджвала. Однако при тогдашнем положении с кадрами кабинета не все намеченное могло быть осуществлено⁵⁹.

⁵⁴ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1932), № 33 (1931), № 27.

⁵⁵ «Madhyānta-Vibhanga, Discourse on Discrimination between Middle and Extremes, Ascribed to Bodhisattva Maitreya and Commented by Vasubandhu and Sthiramati», М.—Л., 1936 (ВВ, XXX).

⁵⁶ В 1960 г. по инициативе Ю. Н. Рериха (1902—1960) было возобновлено издание этой серии. См. «Дхаммапада», перев. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960.

⁵⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 31.

⁵⁸ Ф. И. Щербатской, Академик С. Ф. Ольденбург как индианист, стр. 29.

⁵⁹ См. письмо Ф. И. Щербатского в Президиум АН СССР от 15.XI.1937 (ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1937), № 15, л. 61).

Попытки Щербатского привлечь на длительный срок для работы в Индо-тибетский кабинет известного индийского ученого махапандита Рахулу Санскритьяну, приехавшего в Советский Союз в качестве гостя АН, не увенчались успехом⁶⁰.

В кабинете начали разрабатываться вопросы материалистических течений в индийской философии. В продолжение нескольких лет Щербатской руководил подготовкой специалистов в этой области. В архиве Щербатского сохранилась (по-видимому, не полностью) диссертация аспиранта М. С. Троицкого, посвященная материализму в древней Индии и написанная под его непосредственным руководством⁶¹. Составной частью диссертации был перевод с санскрита двух глав (XVIII и XXII) сводного труда буддийского философа VIII в. Шантаракишита «Таттвасанграха». Первая из них посвящена исследованию умозаключения (ануманапарикша) и содержит специальную критику взглядов философа-материалиста Пурандары на умозаключение, как на один из источников познания; вторая — исследованию материализма (локаятапарикша) в форме критики индийского материализма как философской системы.

Продолжая давно сложившуюся традицию, ИВ стал центром изучения санскрита в широком смысле. Помимо упомянутых работ в области изучения буддийской философии в институте велась работа по изучению отдельных вопросов санскритской грамматической системы на основе индийской грамматической традиции. Здесь в первую очередь следует назвать выполненный Щербатским перевод популярной санскритской грамматики Варадарджи (XVII в.) «Лагхусиддханта-кауmundи» («Лунный свет легких грамматических правил»), который был начат еще до Октябрьской революции и сохранился в рукописи. Учеником Щербатского Кальяновым была предпринята попытка изучения сложных слов в санскрите на основе индийской классификации, выработанной во II в. до н. э. знаменитым грамматиком Патанджали⁶². В связи с изучением индийской грамматической традиции большой интерес представляет написанная уже гораздо позже работа А. П. Баранникова «Элементы сравнительно-исторического метода в индийской лингвистической традиции»⁶³.

В 1938 г. была возобновлена прервавшаяся на несколько лет работа над Артхашастрой. Щербатской выполнил перевод главы 10 второго отдела (книги). Была также произведе-

⁶⁰ Там же, лл. 54, 61—65.

⁶¹ ЛО ААН, ф. 725, оп. 1, № 102.

⁶² В. И. Кальянов, Классификация сложных слов в санскрите (резюме кандидатской диссертации «Сложные слова в санскрите», защищенной автором 12 июня 1941 г.), — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, № 4, стр. 77—84.

⁶³ ВЯ, 1952, № 2, стр. 44—61. Это был последний печатный труд акад. А. П. Баранникова.

дена сверка всего перевода с санскритским оригиналом⁶⁴. В том же году ученик Щербатского и акад. А. П. Баранникова М. А. Ширяев (1887—1952) начал новый перевод законов Ману («Манав-дхарма-шастра»), который через год был приостановлен ввиду того, что исполнитель его был временно переклочен на другую работу. В конце 1937 г. М. А. Ширяевым был выполнен перевод с санскрита «Шукасаптити» («Семьдесят рассказов попугая»), частично просмотренный и одобренный Щербатским⁶⁵.

Заслуживает особо быть отмеченным, что под руководством Щербатского и при его прямом участии был систематизирован большой неопубликованный труд Ольденбурга «Описание пещер тысячи Будд Дуньхуана» (Цянь Фо дун).

В течение ряда лет в ИВ велась также работа по исследованию вопросов древней истории Индии. Здесь следует назвать имя Д. А. Сулейкина (1900—1948), воспитанника ЛВИ. В предвоенные годы Д. А. Сулейкин много внимания уделял проблемам кастового строя в древней Индии, выступил с обширным докладом на Ученом совете института и подготавливал исследование по этому вопросу. Для книги по истории стран Востока в средние века он написал раздел «Индия IV—IX вв.». Эта важная работа была защищена автором в 1943 г. в Ташкенте в качестве кандидатской диссертации⁶⁶. В 1947 г. на объединенном заседании трех гуманитарных отделений АН СССР в Москве, посвященном изучению Индии, Д. А. Сулейкин выступил с докладом об основных вопросах периодизации истории древней Индии⁶⁷. В последние годы своей жизни Д. А. Сулейкин работал над выяснением вопросов, касающихся истории возникновения могущественной рабовладельческой деспотии древней Индии — государства Маурья (IV—II вв. до н. э.)⁶⁸. Сулейкин оставил довольно обширный рукописный материал, относящийся к различным проблемам истории древней Индии.

Большое значение в ИВ придавалось изучению и переводам памятников санскритской письменности и вообще индийской литературы. В традициях нашего востоковедения издание таких памятников всегда было неотъемлемой частью и вместе с тем необходимой основой всякого научного исследования. В 1939 г. по инициативе А. П. Баранникова, бывшего в то время директором ИВ, был начат русский академический

⁶⁴ В. И. Кальянов, *Артхашастра* — политико-экономический трактат древней Индии, — ВДИ, 1939, № 2, стр. 95—101.

⁶⁵ См. прим. 93.

⁶⁶ «Рабочая хроника ИВ», т. I, Ташкент, 1944, стр. 39.

⁶⁷ Д. А. Сулейкин, *Основные вопросы периодизации истории древней Индии*, — УЗТИ, т. II, Индийский сборник, М.—Л., 1949, стр. 177—192.

⁶⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1947), № 11.

перевод Махабхараты — важнейшего эпического памятника древней Индии. Работа над переводом первой книги — Адипарвы — продолжалась со значительными перерывами и во время войны, как в условиях блокады Ленинграда⁶⁹, так и в период пребывания ИВ в Ташкенте⁷⁰. Первая книга вышла в свет в 1950 г. под редакцией Баранникова⁷¹.

После долгого перерыва был подготовлен перевод второй книги Махабхараты — Сабхапарвы, который вышел в свет в 1962 г.⁷². Это издание также получило отклик виднейших государственных деятелей Индии⁷³.

Работа над переводом и исследованием Махабхараты в ЛО ИНА продолжалась и дальше. В 1964 г. был закончен и подготовлен к изданию перевод и исследование четвертой книги этого памятника — Виратапарвы, которая увидела свет в 1967 г.⁷⁴.

Как уже указывалось, большое место в планах ИВ занимала работа над подготовкой издания Артхашастры. Эта трудоемкая работа длилась несколько лет и потребовала большого труда и настойчивых усилий. Была создана специальная редколлегия во главе с акад. В. В. Струве, в которую вошли акад. АН ЛитССР Б. А. Ларин, канд. филол. наук В. И. Кальянов и канд. эконом. наук И. П. Байков. Редколлегия стремилась бережно отнестись к тексту перевода и сохранить по возможности авторскую работу, которая была проделана Ольденбургом, Щербатским и их учениками. Од-

⁶⁹ А. В. Кольцов, Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943), стр. 101 (22 мая 1942 г. в институте обсуждался доклад В. И. Кальянова «Махабхарата — эпический памятник древней Индии»).

⁷⁰ «Рабочая хроника ИВ», II, стр. 48 (в июне на заседании кабинета обсуждался раздел из Махабхараты «Сказание о Паушье»).

⁷¹ «Махабхарата. Адипарва. Книга первая». Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»). Рец.: О. F ri š, Mahabharata (vol. I. Adiparvan) translated from Sanskrit into Russian by V. I. Kal'janov. Ed. by Academy of Sciences in Moscow, 1950, — АОг., 1952, vol. XX, № 1—2, стр. 334—336. Работа над переводом Махабхараты в Советском Союзе во время войны была отмечена Джавахарлалом Неру как знаменательный факт (Д ж а в а х а р л а л Н е р у, Открытие Индии, М., 1955, стр. 108).

⁷² «Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва, или Книга о собрании». Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова (отв. ред. акад. АН ЛитССР Б. А. Ларин), М.—Л., 1962.

⁷³ Письма президента Индии Д-ра С. Радхакришнана (от 21 февраля 1963 г.) и премьер-министра Джавахарлала Неру (от 20 февраля 1963 г.), адресованные послу СССР в Индии (см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1963), № 31, лл. 24а, б, в).

⁷⁴ «Махабхарата. Книга четвертая. Виратапарва, или Книга о Вирате». Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова (отв. ред. акад. В. В. Струве), Л., 1967. К книге приложена статья В. И. Кальянова «Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе» (стр. 135—160). Это издание получило отклик премьер-министра Индии Индиры Ганди в ее письме (от 22 марта 1968 г.), адресованном автору перевода этой книги (см. там же, оп. 1 (1968), инд. 645).

ной же из главных трудностей явилась датировка памятника, которая была рассмотрена в отдельных статьях⁷⁵. Необходимо также отметить, что при подготовке русского издания Артхашастры известную помощь оказывали своими ценными указаниями или присылкой нужной литературы крупнейшие ученые Индии, с которыми были установлены тесные личные контакты. Среди них особого внимания заслуживают покойный проф. Мегхнат Саха (Калькутта), махамохопадхья П. В. Кане (Бомбей), проф. Р. Н. Дандекар (Пуна), проф. В. Рагхаван (Мадрас), д-р Рам Шаран Шарма (Патна) и др.

Издание полного русского перевода Артхашастры, который вышел в свет в 1959 г.⁷⁶, вызвало отклики как в нашей стране, так и за ее пределами⁷⁷. Это также было отмечено в выступлениях индийских ученых на XXV МКВ (Рамачандра Н. Дандекар, Рам Шаран Шарма и др.). Выход в свет русского издания Артхашастры, как и Махабхараты, послужил дальнейшему укреплению индо-советских научных и культурных связей.

В начале 20-х годов А. П. Баранниковым был сделан полный перевод с санскрита произведения Арья Шуры «Джатакамала», который был передан на просмотр Ольденбургу. Лишь в 1962 г. этот труд, законченный и подготовленный к изданию О. Ф. Волковой (Москва), был опубликован⁷⁸.

С деятельностью выдающихся востоковедов и их учеников было связано и преподавание санскрита в Петрограде — Ленинграде. Оно велось в университете и в ЛИЖВЯ. Традиция эта не прерывалась. Она продолжалась и после Великой Отечественной войны.

⁷⁵ В. И. Кальянов, О датировке Артхашастры, — ВДИ, 1953, № 3, стр. 196—208; его же, О времени составления «Артхашастры», — МКВ XXIII, ДД СССР, Секция индоведения, М., 1954, стр. 23—39 (V. Kalyanov, Dating the Arthaśāstra. Papers Presented by the Soviet Delegation at the XXIII International Congress of Orientalists. Indian Studies, Moscow, 1954, стр. 40—54). См. также: «Proceeding of the Twenty-Third International Congress of Orientalists. Cambridge 21-st—28-th August 1954», London [6./r.], стр. 223—225; R. N. Dandekar, The Twenty-Third International Congress of Orientalists. Cambridge 21-st—28-th August 1954, — Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institut, vol. XXXV, Poona, 1955, стр. IX, XVIII.

⁷⁶ «Артхашастра, или наука политики». Перевод с санскрита. Издание подготовил В. И. Кальянов (отв. редактор издания акад. В. В. Струве), М.—Л., 1959. В книге приложены статьи В. И. Кальянова «Артхашастра — важнейший памятник индийской культуры» (стр. 501—537) и И. П. Байкова «Артхашастра — памятник большой исторической ценности» (стр. 538—560).

⁷⁷ См. рецензии: Н. П. Анিকেев, — ВФ, 1959, № 5, стр. 161—169, Г. Бонгард-Левин, — ПВ, 1960, № 3, стр. 242—257, а также Фридрих Вильгельм (Мюнхен) в журн.: JESHO, V, 1962, pt II, стр. 220—222.

⁷⁸ «Арья Шура. Гирлянда джатак, или сказания о подвигах Бодхисатвы», — ИНА АН СССР, ПЛНВ, Переводы, VII, М., 1962.

Среди воспитанников Восточного факультета ЛГУ особенно выделялся своими редкими способностями и талантом В. С. Воробьев-Десятовский (1928—1956), который, обладая глубокой лингвистической подготовкой и широким научным кругозором, за сравнительно короткий отрезок времени смог приготовить ряд весьма ценных трудов и исследований. В Секторе восточных рукописей ИВ Воробьев-Десятовский успешно занимался изучением центральноазиатских рукописей, продолжая этим традицию, начатую С. Ф. Ольденбургом. Он разобрал Индийский фонд и опубликовал о нем статью «Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР»⁷⁹. Особый интерес Воробьев-Десятовский проявил к изучению рукописного собрания, состоящего из коллекций Н. Ф. Петровского, П. К. Козлова, С. Ф. Ольденбурга и других и содержащего уникальные рукописные материалы I—IX вв. на санскрите, сакском, кучинском и тибетском языках. Работа над описанием и подготовкой к изданию ряда интересных материалов осталась незаконченной. Оборвалось и начатое им с большим увлечением исследование «гибридного» санскрита, отличающегося необычными флективными формами.

Кроме исследований в области центральноазиатских рукописей Воробьев-Десятовский написал ряд работ, посвященных вопросам сравнительно-исторического изучения индоарийских языков и истории отечественного востоковедения⁸⁰. Особого внимания заслуживает его кандидатская диссертация, посвященная развитию личных местоимений в индоарийских языках, успешно защищенная в 1954 г. и опубликованная уже после смерти автора⁸¹. Воробьев-Десятовский успел закончить перевод классической драмы Шудраки «Мриччхакатика» («Глиняная повозка»), увидевший свет тоже после его кончины⁸². Преждевременная смерть оборвала его плодотворную научную деятельность в самом начале расцвета творческих сил и таланта.

Работу покойного В. С. Воробьева-Десятовского по описа-

⁷⁹ УЗИВАН, 1954, т. IX, стр. 128—145.

⁸⁰ В. С. Воробьев-Десятовский, К вопросу о роли субстрата в развитии индо-арийских языков, — СВ, № 1, 1956, стр. 99—110 (эта работа была напечатана также в польском журнале RO, t. XXI, 1957, стр. 501—515); его же, О некоторых закономерностях развития указательных местоимений в индо-арийских языках, — УЗИВАН, 1958, т. XIII, стр. 129—142; его же, Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749—1817), — ОИРВ, II, 1956, стр. 36—73.

⁸¹ В. С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индо-арийских языках, отв. ред. А. В. Десницкая, М.—Л., 1956.

⁸² «Шудрака. Глиняная повозка». Драма в пяти действиях, М., 1956. О В. С. Воробьеве-Десятовском см.: В. И. Кальянов, Об изучении санскрита в Советском Союзе, стр. 33. Краткие биографические сведения о нем и список его работ см.: В. С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индо-арийских языках, стр. I—IV.

нию и изучению центральноазиатских рукописей продолжает его вдова — М. И. Воробьева-Десятовская.

Вместе с М. И. Воробьевой-Десятовской над санскритскими буддийскими текстами из коллекции Н. Ф. Петровского (издание текста с комментарием и переводом) в настоящее время работают Г. М. Бонгард-Левин (Москва) и Э. Н. Темкин. Готовятся к изданию (частично уже опубликованные) неизвестные фрагменты «Садхарма-пундарики»⁸³. Ранее Б. И. Панкратовым и Э. Н. Темкиным в честь шестидесятилетия Е. Е. Обермиллера был опубликован подготовленный им текст уникальной санскритской рукописи «Бхаванакармы»⁸⁴.

Ряд молодых индологов — воспитанников Восточного факультета ЛГУ — продолжают традицию в области изучения и переводов памятников санскритской письменности. Здесь в первую очередь следует назвать В. Г. Эрмана, молодого ученого, давшего ряд ценных трудов и исследований в области санскритской классической литературы и продолжающего успешно работать в этом направлении. В ЛО ИНА В. Г. Эрман выполнил и опубликовал перевод исторической драмы Вишакхадатты «Мудраракшаса»⁸⁵. В ней получила яркое художественное отображение эпоха Каутильи, которому приписывается авторство знаменитого трактата по управлению государством — Артхашастры. Занимаясь вопросами драматургии в древней Индии, В. Г. Эрман опубликовал две статьи⁸⁶ на эту тему и продолжает изучение пьес, приписываемых поэту Бхасе (III в.). Им опубликована статья об изучении древней Индии в Ленинграде⁸⁷. Совместно с Э. Н. Темкиным В. Г. Эрман написал краткое литературное изложение двух эпических поэм древней Индии — Махабхараты и Рамаяны⁸⁸.

Одно из центральных мест в деятельности Индийского кабинета ЛО ИНА в области санскритологии продолжает за-

⁸³ Г. Бонгард-Левин, М. Воробьева-Десятовская, Э. Темкин, Фрагменты древнеиндийских рукописей из Занг-Тепе, — ВДИ, 1965, № 1, 154—162.

⁸⁴ «Бхаванакарма. Уникальная санскритская рукопись из Тибета». Введение и публикация текста с предисловием Е. Обермиллера, М., 1963.

⁸⁵ «Вишакхадатта. Мудраракшаса, или перстень Ракшасы», М.—Л., 1959.

⁸⁶ В. Г. Эрман, Об элементах народности в индийской классической драматургии, — СВ, 1957, № 4, стр. 77—79; его же, Теория драмы в древнеиндийской классической литературе, — сб. «Театр и драматургия Индии», М., 1961, стр. 9—82.

⁸⁷ В. Г. Эрман, Изучение древней Индии в Ленинграде, — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 150—161.

⁸⁸ «Махабхарата, или сказание о великой битве потомков Бхараты. Древнеиндийский эпос». Литературное изложение Э. Н. Темкина и В. Г. Эрмана, М., 1963; «Рамаяна. Древнеиндийский эпос». Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина, М., 1965.

нимать коллективная работа над академическим переводом и исследованием важнейшего памятника индийской культуры — Махабхараты. Продолжая традицию, начатую АН более четверти века назад, молодой санскритолог С. Л. Невелева (Левина), воспитанница Восточного факультета ЛГУ, полностью завершила перевод и литературную обработку второй части третьей книги Махабхараты — Араньякапарвы («Лесная книга»). Продолжается также работа над переводом и изучением пятой книги этого памятника — Удьюгапарвы («Книга о старании»), где прослеживаются истоки индийской дипломатии. Совсем недавно начат перевод первой части третьей книги Махабхараты другим молодым санскритологом — Я. В. Васильковым, окончившим в 1967 г. Восточный факультет ЛГУ.

Изучение Махабхараты идет в ЛО по двум направлениям: лингвистическому и культурно-историческому. Заслуживает внимания работа С. Л. Невелевой о финитном употреблении причастий в языке Махабхараты, вызвавшая отклик⁸⁹. Ею же был представлен доклад на научной индологической конференции в Москве о принципах перевода Махабхараты⁹⁰. На другой научной конференции в Ленинграде она сделала доклад «Сравнение в Махабхарате», который в виде статьи был принят к изданию в Улан-Удэ в сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. Ф. И. Щербатского. Невелева собрала обширный лингвистический материал об особенностях языка Махабхараты, переводу которой она посвятила ряд лет.

В связи с изучением языка «Махабхараты» были написаны и другие работы, опубликованные в разное время⁹¹.

Плодом изучения Махабхараты и Артхашастры в культурно-историческом плане явились две работы, одна из которых посвящена этимологии терминов «варна» и «джати», а другая — некоторым военным вопросам в древнеиндийском эпосе⁹².

⁸⁹ С. Л. Левина, Финитное употребление причастий в языке «Махабхараты», — КСИНА, № 68. Языкознание, М., 1964, стр. 19—30; см. также: «Indo-Iranian Journal», Leiden, 1964, vol. VIII, № 2, стр. 159.

⁹⁰ С. Л. Левина (Невелева), К вопросу о переводе «Махабхараты» (на материале III книги), — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г., М., 1968, стр. 452—462.

⁹¹ В. И. Кальянов, Средства выражения прошедшего времени в эпическом санскрите (по материалам «Махабхараты»), — УЗИВАН, т. XIII. Индийская филология, 1958, стр. 5—62; его же, Редкие формы языка «Махабхараты» и нормы классического санскрита, — УЗЛГУ, № 279, СВН, вып. 9 История и филология Индии, стр. 104—113.

⁹² В. И. Кальянов, Об этимологическом толковании терминов varṇa и jāti, — сб. «История и культура древней Индии» (к XXVI МКВ, М., 1963, стр. 162—176). См. также прим. 74.

Наряду с основными плановыми темами были подготовлены к изданию и опубликованы работы наших востоковедов, сохранившиеся в архиве, полностью или частично, в рукописном виде.

Это уже упомянутый памятник индийского фольклора «Шукасапата» («Семьдесят рассказов попугая»), переведенный еще в 1937 г. М. А. Ширяевым⁹³, и памятник классической художественной литературы роман Дандина «Дашакумарачарита» в неподражаемом переводе Ф. И. Щербатского, впервые полностью опубликованном в 1964 г.⁹⁴. Представляет интерес и предпринятый в 1958 г. опыт стихотворного переложения отдельных сказаний Махабхараты на основании филологического перевода, сделанного с оригинала⁹⁵.

Следует также отметить, что должное внимание уделялось кабинетом и истории санскритологии в нашей стране. Кроме упомянутой статьи В. Г. Эрмана были опубликованы две работы, где также были очерчены цели и задачи, связанные с изучением санскрита⁹⁶.

В области древнеиндийской филологии ближайшей первоочередной задачей является усиление и сосредоточение работы над переводами памятников санскритской письменности и изучением их в культурно-историческом плане, изучение истории древней Индии, ее мифологии и идеологии. Уже практически поставлен вопрос о возрождении у нас изучения индийской философии и буддийской культуры, прервавшегося с кончиной акад. Ф. И. Щербатского.

Индийский кабинет ЛО ИВ поддерживает научные связи с рядом научно-исследовательских учреждений Индии: Восточным НИИ Бхандаракара и Деканским колледжем в Пуне, Ведическим НИИ Вишвешварананды в Хошияrpуре и др. Благодаря этим контактам ЛО получает из Пуны ценные серийные издания в обмен на «Петербургские санскритские словари» (2 комплекта), посланные АН СССР в 1957 г. Деканскому колледжу, где индийскими учеными под руководством д-ра С. М. Катре ведется большая работа над составлением многотомного санскритского словаря, основанного на историческом принципе. Равным образом и многолетняя работа отделения над академическим переводом Махабхараты основывается на тексте критического издания санскритского па-

⁹³ «Шукасапата. Семьдесят рассказов попугая», М., 1960.

⁹⁴ Д а н д и н, Приключения десяти принцев, М., 1964.

⁹⁵ «Сожжение змей». Сказание из индийского эпоса «Махабхарата», М., 1958.

⁹⁶ В. И. К а л ь я н о в, Об изучении санскрита в Советском Союзе, — ВЛУ, 1957, № 8, СИЯЛ, вып. 2, стр. 23—36; его же, Изучение санскрита в России; его же, Академик Ф. И. Щербатской, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1946, № 3, стр. 245—252.

мятника, любезно присланного в дар Восточным НИИ Бхандаракара в Пуне ⁹⁷.

Большое значение в установлении и развитии международных научных связей имел XXIII МКВ 1964 г. в Кембридже. Для советской санскритологии он был важен тем, что там произошла первая наша встреча ⁹⁸ и были установлены тесные личные контакты с крупнейшими индийскими учеными (П. В. Кане, Сунити Кумар Чаттерджи, Р. Н. Дандекар, С. М. Катре и др.). Эти контакты в результате последующих встреч в Индии, Ленинграде и Москве, укреплялись и развивались. Научные и культурные связи с индийскими учеными выражались в различных формах. Тут прежде всего следует назвать наши публикации по просьбе виднейших ученых и общественных деятелей Индии (д-ра А. В. Балиги, Лакшман-Шастри Джоши, Р. Н. Дандекара, Дхармендранатха Шастри и др.) статей о современном вкладе индийцев в индологию и о достижениях ее в Индии ⁹⁹, о выдающихся индийских и русских ученых ¹⁰⁰, а также участие в международном информационном индологическом сборнике, издающемся в Курукшерте (близ Дели) ¹⁰¹, переписка и обмен научной литературой и информацией.

Значительным событием в культурной жизни нашей страны явился полуторатысячелетний юбилей великого индийского поэта и драматурга Калидасы, который по решению Все-

⁹⁷ Мы рады отметить, что в 1966 г. в Индии успешно завершено критическое издание санскритского текста всей Махабхараты, которое начало выходить отдельными выпусками с 1927 г. Этому знаменательному событию было посвящено 22 сентября 1966 г. торжественное заседание в Институте Бхандаракара под председательством Президента Индии д-ра С. Радхакришнана. По этому случаю нами было направлено приветственное послание институту. С чувством глубокой признательности мы хотим здесь отметить, что 28 января 1970 г. в день празднования 20-летия Республики Индии поверенным в делах Республики Индии в СССР г-ном Ромешом Бхандари было преподнесено в дар нашему институту от правительства Индии полное критическое издание «Махабхараты» в 22 великолепно оформленных томах. Этим ценным даром правительство дружественной страны отдало дань признания той многолетней работе, которая ведется у нас по переводу и изданию «Махабхараты».

⁹⁸ С. Л. Тихвинский, Двадцать третий Международный конгресс востоковедов в Кембридже, — СВ, 1955, № 1, стр. 152—154. См. также прим. 111.

⁹⁹ V. I. Kalyanov, Contemporary Contribution to Indology by Indians, — ISCUS. Quarterly Journal of the Indo-Soviet Cultural Society, Bombay, 1960, № 4, стр. 5—14; его же, Новые труды индийских ученых по истории индийской культуры, — ВДИ, 1964, № 2, стр. 171—176; его же, Древнеиндийская филология в современной Индии, — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г., 1968, стр. 46—60.

¹⁰⁰ V. I. Kalyanov, Reminiscences of Mahapandit Rahul Sanskrityayana, — «Amity». Quarterly Journal of the Indo-Soviet Cultural Society, Bombay, 1965, vol. 2, стр. 35—37.

¹⁰¹ «Prācī-Jyoti». Digest of Indological Studies. Institut of Indic Studies. Kurukshetra University, December 1963, стр. 6, 293—294.

мирного Совета Мира был широко отмечен 12 ноября 1956 г. в Москве. Это торжество вылилось в яркую демонстрацию дружбы между Индией и Советским Союзом¹⁰². В связи с юбилеем ленинградскими санскритологами была написана брошюра, посвященная Калидасе и его творчеству¹⁰³. До этого была опубликована отдельная статья¹⁰⁴.

Большое научное и общественное значение имеет работа, проделанная Индийским кабинетом по организации и проведению юбилеев выдающихся индологов нашей страны: акад. Ф. И. Щербатского — в связи с 20-летием со времени кончины (1962)¹⁰⁵, акад. С. Ф. Ольденбурга — 100-летие со дня рождения (1963)¹⁰⁶, акад. А. П. Баранникова — 75-летие со дня рождения (1965)¹⁰⁷ и акад. Ф. И. Щербатского — 100-летие со дня рождения (1966)¹⁰⁸. Последние два заседания были проведены совместно с Восточным факультетом ЛГУ, Обществом советско-индийских культурных связей и ИНА (Москва). На юбилеях с докладами кроме сотрудников ИВ, ЛГУ и Эрмитажа выступили и индийские ученые — проф. Аруна Халдар (Патна) и Равиндранатх Шривастав (Бенарес); в заседаниях принимали участие индийские специалисты, проходившие стажировку в Ленинграде.

Заслуживает также внимания организованная в начале 1967 г. Индийским кабинетом научная сессия, посвященная памяти В. С. Воробьева-Десятовского. В этой сессии принимали активное участие востоковеды Ленинграда и Москвы.

* * *

Таков далеко не полный исторический обзор санскритологической науки в АН более чем за полтора столетия. Оглядываясь на пройденный путь, проложенный не одним поколе-

¹⁰² Об этом см.: Юбилей Калидасы (Торжественное заседание в Москве), — ВАН, № 1, стр. 118—121.

¹⁰³ В. И. К а л ь я н о в, В. Г. Э р м а н, Калидаса. Очерк творчества, М., 1958.

¹⁰⁴ В. И. К а л ь я н о в, Калидаса — великий поэт Индии, — СВ, 1957, № 1, стр. 61—71. На основании этой статьи был прочитан доклад 12 ноября 1956 г. на торжественном заседании, посвященном 1500-летию юбилею Калидасы (опубликован в 20 городах Индии на 7 языках).

¹⁰⁵ [В. И. К а л ь я н о в], Памяти Ф. И. Щербатского, — ВАН, № 9, 1957, стр. 150—151.

¹⁰⁶ [С. Л. Л е в и н а], 100 лет со дня рождения С. Ф. Ольденбурга, — там же, 1964, № 3, стр. 133—139; е е же, Столетие со дня рождения академика С. Ф. Ольденбурга, — НАА, 1964, № 3, стр. 214.

¹⁰⁷ С. Л. Л е в и н а, 75 лет со дня рождения академика А. П. Баранникова, — ВАН, 1965, № 10, стр. 133—134.

¹⁰⁸ В. И. К а л ь я н о в, 100 лет со дня рождения академика Ф. И. Щербатского, — там же, 1967, № 2, стр. 111—113; Н. Ю. Л у б о ц к а я, Научная сессия, посвященная столетию со дня рождения академика Ф. И. Щербатского, — НАА, 1967, № 3, стр. 195—196. См. также: В. В. И в а н о в, Федор Ипполитович Щербатской (К 100-летию со дня рождения), — НАА, 1966, № 6, стр. 147—150.

нием выдающихся санскритологов нашей страны, мы с удовлетворением можем сказать, что сделано много. Создана надежная лингвистическая основа для изучения всей индийской культуры — «Петербургские санскритские словари». Рассмотрен и выяснен ряд важнейших проблем, связанных с изучением материальной и духовной культуры Индии, ее древнего языка и литературы, истории и философии. Наибольшие успехи в этой области востоковедения были достигнуты в советский период.

Огромной важности задачи стоят еще впереди. В порядок дня поставлен вопрос о планомерном изучении истории многогранной индийской культуры. Вопрос этот сейчас приобретает особую актуальность ввиду выхода Индии с ее древней многовековой культурой на широкую международную арену.